

Там ангел смотрит вниз
из верхнего окна,
и молча на карниз
ложится седина.

Со дна забвенья снег
до выстуженных туч,
ровняя смех и грех,
возносится, летуч.

Молчанье на крови
дерев, ушедших в сон,
по нраву визави,
что тих и невесом.

Час от часу верней
подъемник снеговой
уносит дрожь корней
в пургу над головой.

Пурга и под, и над —
а лед былъем согрет.
Есть ангельский талант
в куренье сигарет.

Курящий, наг и нем,
торчит в окне по грудь.
На дне его проблем
все то, что не вернуть.

Но даром жжет белки
заснеженная глушь —
каракули легки
на глади мерзлых луж.

Там пишется, что нет
значений у времен,
покуда этот свет
в иной не претворен.

* * *

Она говорила «спасибо»
по делу, без дела — всегда.
И делала это красиво,
заманчиво — просто беда.

Дразнили бедовые очи —
такой от природы покрой.
И вся благодарность, короче,
казалась игрушкой порой.

Издевкой, дразнилкой, насмешкой,
крепчающей день ото дня, —
орлом ли уляжется, решкой —
а ты не забудешь меня.

Ни денег она не просила,
ни краткого счастья взаймы —
искрилась летучая сила
на иглах ресничной каймы.

И то ль подозрение грело,
что это и впрямь не прикол?..
Но спорилось страшное дело
прилаживать к жизни глагол.

* * *

Полубезумные от нищенства
дворы в разоре и беде,
где только свистни — счастье сыщется —
паленка водится везде.

Ищи-свищи в карманах с дырами,
где не шуршало ни гроша —
водиться с горькими да сирыми
велит остывшая душа.

Кровь не водица — жжет до одури,
ведь эти самые дворы

кому-то трезвому запродали,
чтоб вырос город из дыры.

Необычайный, в небе тающий,
заполняющий зрачки...
У бедолаг закваска та еще —
хоть сплошь терпилы и сачки.

Глаза приладь к окрестной темени
и без развода разгляди,
что нет у плакальщика времени,
но небо светит впереди.

* * *

Ох, и чудны же, Боже, твои дела!
Пряник печатный, фабричная пастила.
И неисповедимы твои пути —
даром ночной автобус и пуст почти.

И остановка — десять минут всего.
И вдоль обочины — пляски да беспредел.
Полная темень — трасса под Рождество,
разве что тульский герб да белевский мел...

Сласти в окне ларька — вот и свет во тьме —
нечем в дороге сердце занять свое.
Кто здесь при лютой стыни еще в уме?
Полубомжи, лабазники да ворье.

Лишь прицениться, да не успеть купить —
времени нынче, как и всегда, в обрез.
Нужно садиться и прекращать тупить,
Ехать, как полагается, в темный лес.

В черную степь, в безлюдные города —
плакать о чуде сахарном в страшном сне...
Дурню отстать от времени — не беда,
если бы он не парился о цене.

Не причитал, что сгинет в ночи зимой,
даже когда все сладости на руках.
Не домогался: «Боже лукавый мой,
твой ли посланец — этот безбожный страх?»

* * *

Дымная мга — все выше — до
лампы, где сплошь черно.
Густо морозцем вышито
меркнувшее окно.

Истово протестующий
против глагольных рифм
выучку помнит ту еще,
в гневе неповторим.

Множит хорей с ямбами,
воспоминает влет,
как потешались пьяными,
били копытом лед.

И портвешком от робости
леченный в пух и прах,
люди вызнает подробности
все о былых пирах.

Снежное пышет крошево,
дальним идет огнем.
Манкая тень хорошего
не различима в нем.

Зренье подводит, лампа ли
ответ дает не тот?
Только ли жгли да лапали,
верили в анекдот?

Ведь неспроста неможется,
душит, к утру сбоят...
И ледяная кожица
стекла в глазах стоит.

Руководитель секции
давешнего лито
умер потом от сердца, и
не хоронил никто.

Был ли Иванов гением,
А Гумилев дрянным?..
Не заразишься мнением,
не переборешь дым,

что год от года выше — на
небе, чернее туч...
Стало быть, речь услышана
тем, кто затеплит луч.

* * *

Это была традиция — песню под Рождество
выдумать и напеть фальшиво и неумело.
И не затем, чтоб все упоминать Его —
имя тогда значения не имело.

Просто ложилась масть, как еда на стол.
И без затей аккорды множились, как бутылки.
Будто бы праздник без этого не настал —
только томленье и вечная боль в затылке.

В мерзлой ночи заваливались гурьбой
к буйноголовому литовскому водиле.
И без зазренья встречали рассвет рябой
с тем, на чьи штудии в гоноре приходили.

Он улыбался, милостиво встречал —
слыл хлебосолом по-холостяцки нищим.
Плыл после первой, но словно искал причал
в звездном огне беззвучья, на утреннем пепелище.

В сизом окне почти различал всерьез
абрис того, кто шел без мостков по водам
и улыбался кротко — до встречных слез —
всем, пораженным насмерть, его уходом.